

ТЕМНОТА

Ночь. Аня под одеялом. Тонкий застиранный пододеяльник пропускает колючую шерсть, словно шкуру волчицы. Жарко лежать в ее шерстяном животе, больно нестись сквозь сухие ветки незнакомого леса.

Что это? Кто там? Не смотри в этот угол!!!

– А вы слышали про волколаков? Они в горло впи-
ваются, когда луна светит. О! Как сейчас. Слыши-
те, воют?

Глупая Аня, зачем согласилась на эту путеше-
вку? Ездил бы дальше в лагерь от маминой работы.
А этот страшный, от дедовского завода. Перодного,
противного деда. Не лагерь, а ад.

Девки все в одной палате, как лошади в стойлах,
каждую ночь не спят. Черная простыня уже выле-
тела к тебе навстречу, она подлезает под дверь...
Черт дернул записаться с Ленкой в отряд постарше,
та с первых же дней ее предала.

– Девчонки, ну хватит. Мне страшно.

– Ой, это кто там гнусавит. Не хочешь, за дверью
постой.

Аня стоит, босая, в холодном пустом коридоре.
Пусть лучше стыдно, чем страшно.

Анины родители – хорошие люди. Но молодые.
Как только стемнеет, хлопает тяжелая сталинская
дверь, шелкает ключ. За стеной глухо бормочет те-
левизор. Редко они пускают девочку к себе. Ну не
могут же кошмары сниться каждой ночью.

Аня знает, что темнота наблюдает за ней. Чер-
ная простыня летит. Ждет, когда девочка допустит
промах. Кто-то шевелится там, в углу, когда мама
выключает свет. Темный, худой силуэт, чернее ночи.

Нина и Егор в кино на позднем сеансе. Одни
в огромном зале. Егор что-то шутит Нине в самое
ухо. «Думаешь, не проснется? – Да нет, конечно,
брось!»

Аня резко открывает глаза. Одна, в своей муче-
нической келье. Одеяло на полу. «Мам, пап!» – кри-
чит она чужим голосом. Месяц молчит. Сквозь кро-
шечные стекла высокой двери сочится жидкий свет
из коридора. Аня встает, будто роняет коробку со
страхом.

В угол не смотри! Вот дверь, свет от луны, там
твои игрушки. Лошадь, кровать, два голых пупса,
кукла с коричневым лицом, шкаф с тонкими двер-
ными ручками, который мама нашла на стройке. Аня
делает пару ватных шагов и обреченно опускается
на пол.

«Значит, кукла будет главной, она сейчас сядет
на лошадь, обнимет двух пупсов... и поскачет сквозь
лес».

Темнота сидит в углу шершавого кресла,
с изумлением наблюдая, как хрупкий ребенок
создает крошечный мир на краю блеклого пятна
луны. «А девочка не так проста», – ухмыляется
силуэт.

Темнота сидит в углу шершавого кресла, с изумлением наблюдая, как хрупкий ребенок создает крошечный мир на краю блеклого пятна луны. «А девочка не так проста», – ухмыляется силуэт.

- Я же говорил, не проснется, – шепчет Егор, заглядывая в детскую. Нина поправляет сбившиеся волосы дочери, вытаскивая из детских рук темную куклу и пупсов...
- Выключи свет, пожалуйста. – Взрослая Аня устало снимает очки и кладет телефон на тумбочку. Муж хлопает дверь туалета.
- У каждого свой кабинет, – ухмыляется она, разглядывая неясные очертания комнаты.
- Не обижайся, завтра нужно закончить рассказ, не могу думать при свете, – кричит вдогонку жена, зная, что не обиделся, привык.

В полном мраке Аня счастливо потягивается, стаскивая одеяло к ногам. Где-то в районе комода мелькает худая черная тень. Темнота уже здесь. Она пришла, не подведет, привыкла.

ОЗЕРО

Начало июля. Воздух – парное молоко. Озеро – огуречный суп в полдень. Жители маленького города убивают время на разных берегах. Солнечный, песочный, словно засыпанный вафельной крошкой, облюбовали семьи с детьми. Маленькие демоны роют норы в земле, родители сладко зевают, уставившись в телефоны.

Тенистый с махровой заводью выбрали одиночки и влюбленные. Тонкие полотенца пружинят на влажной траве. Пары отдыхают за деревьями. Юнцы с голыми торсами. Скучно, жара, плотоядная скука. Парни пьянеют, надменные леди заспают на раскрытых страницах истрепанных книг.

Мэг делает записи в пожелтевшей тетради, лежа на коврик у самой воды. «Лягушки замерли в тине, как неживые...» Через неделю в издательстве ждут ее повесть. В кои-то веки есть шанс напечатать хоть что-то. И как назло, ни одной истории на примете.

Мэг – 62. У нее нет ни мужа, ни сына. Ни любимого Сэма, который исчез давно... не хочется вспоминать. Только старый стол с ящиками, полными чужих историй про тех, у кого все есть, в тонких стенах покосившейся дачи у озера. Мэг никогда не печатали, ее герои мало страдали. По ночам Мэг царапает черная злющая кошка, цепляя когтями ее пахнущее тиной и мятым шампунем стареющее тело, словно пытается сказать: мало страдаешь, мяу!

И вдруг такое! Девушка, брюнетка, в ярко-красном купальнике, с чуть сдвинутыми, слегка капризными бровями. Без книжки, сумки и телефона. Только очки и полотенце. Когда она снимает очки и сдвигает брови, становится еще невыносимее и прекрасней. Побережье, затаив дыхание, наблюдает за незнакомкой. Все женщины хотят быть ей. Девушка отодвигает ногой полотенце, чтобы не унесло, и входит в воду.

На противоположной стороне с той же медленной силой в озеро входит парень. Загорелый, с копной буйно вьющихся волос. У него ярко-красные удлиненные плавки и точеное тело. Тот берег смотрит на парня со сбившимся дыханием. Так же как этот – на девушку. А они, эти двое, давно увидели друг друга и совершенно четко понимают, что одни на целом озере и больше никого здесь нет.

Мэг осенило, она начала записывать, не теряя из виду двух движущихся навстречу друг другу влюбленных. Следила, как расстояние сокращалось. Еще каких-то два метра, и тут... оба исчезли. Как будто и не было, стерли, смахнули с картинки. «Нырнули, наверное, – подумала Мэг, – целуются под водой». Как в голливудских фильмах, которые Мэг часто смотрела. Но прошло уже пять минут. Мэг смотрела по сторонам. Оба берега вели себя как ни в чем не бывало. Двое не появлялись. Ровная гладь. Никого.

На берегу Мэг долго растиралась полотенцем и прыгала на одной ноге, она решила ждать до последнего, пока не «досмотрит» историю до конца.

Мэг выронила ручку, вскочила, споткнулась. Ногу пронзила боль – видимо, растянула. Проковыляла вдоль берега, обратно. Никто никого не искал. Мэг подбежала к пьяному юнцу. Пробормотала про утонувших. Тот горячо дыхнул на нее перегаром и отпрянул. Схватила телефон, вызвала службу. Там обещали приехать – диктуйте.

Мэг бросилась в воду. Плавала она не очень, на спине – лучше, зато нырять умела хорошо. Глотая и выплевывая мутную воду, с трудом доплыла до страшной середины, вдохнула воздух. Со второго раза вышло почти до дна, даже ухватилась за лохматую корягу, испугалась, что волосы... Чуть не захлебнулась. Мимо нее медленно проплыла женщина на матрасе. Да что их всех, усыпили сегодня?!

На берегу Мэг долго растиралась полотенцем и прыгала на одной ноге, она решила ждать до последнего, пока не «досмотрит» историю до конца. Завернувшись в покрывало и глотнув водки из забытой под корягой бутылки, Мэг присела у дерева и принялась за тетрадь. Она писала, пока родители орали на детей, чтобы быстрее собирались, натягивая на них мокрые трусы и пиная игрушки в пакет. Писала, пока все парочки не застегнули молнии сумок и не запрыгнули на свои велосипеды. Писала до наступления свежей, прекрасной темноты, обнявшей ее со всех сторон, как страстный мужчина, которого у нее не было. Наконец приехала машина. Водолазы сделали два захода и уехали ни с чем, отмахнувшись от бабки как от надоедливой мухи.

Мэг зачарованно шла одна по проселочной дороге с тетрадкой, в которой была написана повесть про любовь. Дома, не включая света, она села к компьютеру. Набрала текст. Отправила на почту. Кошка прыгнула ей на колени и ласково лизнула пальцы.

Дверь неожиданно скрипнула. Кто-то вошел в темноту. Какой-то... Старик. Полуголый мужчина за 60, с большими синими глазами и седыми волнистыми волосами, сползающими на лоб. В длинных красных шортах, с которых капала вода.

– Сэм? Ты?

– Да. Прости, что так поздно.

Сорок лет назад Мэг в красном купальнике и темных очках, не взяв с собой ни сумки, ни книжки, ничего, шла к озеру. Стояла страшная жара. Сэм должен был встретить ее на берегу, но в тот день его сильно сморило. Вечером Сэма разбудил звонок. Наверное, ногу свело, так бывает, если попадешь в холодное течение, – сказали в трубке. Водолазы ныряли до темноты, но Мэг так и не нашли...

Сэм прожил среднюю скучную, не очень длинную жизнь в загородном домике неподалеку. В этот день он решил искупаться один. Стояла страшная жара... наверное, ногу свело, так бывает...

Они встретились ровно посередине озера.

